

Влада ВОСТРИКОВА

ВЛАСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX в.

В статье рассматривается концепция власти, разработанная идеологами нового российского либерализма в конце XIX – начале XX вв. Показана трактовка либералами власти как одного из важнейших типов социальных отношений, а также как психологического феномена.

The article presents the conception of the representative power developed by the ideologists of modern Russian liberalism at the end of the 19th century – at the beginning of the 20th century. It shows the liberal interpretation of the power as one of the major types of social relations, and also as a psychological phenomenon.

Ключевые слова:

власть, государственная власть, либерализм, суверенитет, легитимность; power, state power, liberalism, sovereignty, legitimacy.

На рубеже XX–XXI вв. проблему власти в России актуализировала системная трансформация российского государства и, прежде всего, реформа его политической системы. Но аналогичные по сути процессы происходили в России еще столетие назад, и тогда в поисках модели переустройства страны свое понимание феномена власти предложили представители отечественной либеральной мысли. Обращение к их воззрениям сегодня полезно и в научно-теоретическом плане как попытка дать всесторонний анализ категории власти, и в политико-практическом плане, поскольку теоретические построения либералов легли в основу либеральной модели модернизации страны, элементы которой востребуются в ходе современных реформ.

Несмотря на вариативность трактовок власти, предложенных российскими либералами начала XX в., их воззрения в целом вписываются в рамки социально-психологического подхода. Для ученых власть – это отношения господства-подчинения; субъектно-объектные отношения; отношения между людьми, со всеми присущими им психологическими качествами и особенностями.

Источником разногласий между либералами послужил вопрос, является ли необходимой предпосылкой властвования наличие воли у властвующего субъекта. В.М. Гессен, Ф.Ф. Кокошкин, Г.Ф. Шершеневич, Б.А. Кистяковский дали утвердительный ответ, обозначив тем самым свою приверженность господствовавшей в немецком государствоведении волевой теории власти. Ф.Ф. Кокошкин и Г.Ф. Шершеневич трактовали власть в терминах социального взаимодействия, как отношения господства и подчинения, складывающиеся между субъектом властной воли и объектом властного воздействия. Такое понимание власти сближается с позицией М. Вебера, концептуальные положения которой остаются востребованными современными политологией и кратологией.

Волевая трактовка власти оказалась неприемлемой для Л.И. Петражицкого и Н.М. Коркунова, в интерпретации которых власть, прежде всего, психический феномен, ее социальные аспекты отходят на второй план. Психическое пронизывает всю структуру властеотношений, поэтому их главными элементами выступают субъекты (подчиняющий и подчиненный), а не связи.

Дискуссионным в российской либеральной мысли был вопрос о специфических особенностях политической власти, отличающих ее от других разновидностей общественной власти. Основным объектом полемики стало понятие суверенитета и верховенство политической власти по отношению ко всем иным властям, действующим

ВОСТРИКОВА

Влада

*Владиславовна – к.и.н., доцент кафедры истории, экономики, политики и культуры Орловского филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института
vostr68@mail.ru*

щим на территории государства. Властная структура в государстве представлялась мыслителям в виде своеобразной лестницы, на вершине которой помещается государственная власть – независимая и не подчиненная никакой другой власти. Власти других уровней производны, делегированы верховной властью. «Если внутри государства образуется иная власть, то это означает, что страна находится в революционном состоянии, что она временно прекращает даже свое государственное состояние, пока не определится, которая власть сильнее»¹. Помимо верховенства внутри страны, суверенность политической власти для либералов означала и независимость последней на международной арене.

Дискуссионным в либеральной мысли был вопрос о включении в число системообразующих элементов понятия суверенитета принципа неограниченности. На неограниченности политической власти как естественном и необходимом следствии ее верховенства настаивали Г.Ф. Шершеневич и В.В. Ивановский. Однако важно учесть, что при этом они имели в виду отсутствие юридических ограничений в плане способности государственной власти к политическому действию, а отнюдь не безграничность в принципе. В данном случае глубинной причиной разногласий в либеральной среде стали расхождения в трактовке мыслителями проблемы соотношения государства и права. Ф.Ф. Кокошкин, исходя из первичности права по отношению к государству, утверждал связанность последнего правовыми нормами. Государственная власть, как созидательница правовых норм, не может быть ограничена ими, утверждал Г.Ф. Шершеневич, тем самым отрицая теорию государственного самоограничения, сформулированную Г. Еллинеком. Общественное мнение есть та сила, которая наряду с политической целесообразностью ставит рамки юридической неограниченности государственной власти.

Одним из наиболее актуальных вопросов, затрагиваемых в работах либеральных мыслителей начала прошлого века, был вопрос о мотивации подчинения власти. Важнейшим мотивом послушания власти

для либералов выступала традиция. Они замечали, что принятые в обществе нормы и правила поведения, в том числе и в отношении власти, усваиваются индивидом в процессе социализации, а затем воспроизводятся по привычке. В данном случае индивид бессознательно следует раз и навсегда установленным стереотипам поведения. «Человек психологически подчиняется тому, к чему привык, опасается перемен, ибо они могут ухудшить его положение. Поэтому человеку свойственно относиться снисходительно к тому, что давно существует, и критически к тому, что только что установилось»². В этом, по мнению либералов, заключается загадка безропотного подчинения недалеким политикам и жестоким тиранам и, напротив, противодействия новому, необычному в политической жизни. Новый порядок, даже если он лучше прежнего, вызывает критику, отмечал Г.Ф. Шершеневич, каждая ошибка новой власти для нее опасна, а старой власти прощают даже крупные ошибки. Вот почему мысль о необходимости учета силы традиции в процессе реформирования политической системы имела для либералов основополагающее значение. Данное соображение стало одним из факторов, предопределивших закрепление в программатике либерального движения (до 1917 г.) монархического принципа.

Помимо традиции, в качестве мотива подчинения власти либералы называли веру в личные качества политического лидера, в его способность должным образом использовать власть. В этом случае симпатии граждан к лидеру базируются на рациональном расчете. Однако иногда подчинение власти основывается на слепой вере в руководителя, окруженного ореолом восторга и обожания. Но такая власть, по сравнению с традиционной, является нестабильной, ибо неудачи во внутренней или внешней политике могут подорвать веру в лидера и тем самым лишить власть социальной опоры.

И традиция, и вера в лидера, по мнению либералов, суть проявления бессознательного, инстинктивного, эмоционально окрашенного подчинения власти. Рационалистический же элемент выступает на первый план, когда граждане поддерживают власть ввиду правового характера ее деятельности. Здесь меняется сам

¹ Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. – М., 1908, с. 31.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч., с. 38.

вектор подчинения: речь идет уже о повиновении не конкретной личности как таковой, а существующей системе законов и установленному ею порядку. Развивая эту мысль, либералы указывали, что поначалу люди поддерживают власть, действующую в пределах права, безотносительно к содержанию последнего, просто исходя из убежденности в необходимости законодательства вообще. Но со временем характер права обретает все большее значение.

В трактовке отечественными либералами факторов подчинения населения государственной власти прослеживается концептуальная параллель с теорией легитимности власти М. Вебера, разнится лишь терминология. В частности, в трудах российских мыслителей не используются понятия харизмы и легитимности. Как и М. Вебер, либералы считали, что в реальной политической жизни подчинение населения власти обеспечивается не каким-либо одним фактором, будь то традиция, авторитет закона или личности, но их совокупностью — иными словами, легитимности присущ смешанный характер. Вместе с тем для отечественных мыслителей было несомненно, что политическая эволюция идет в направлении утверждения рационально-правового начала в качестве основного источника признания власти массами.

Ставка на силу неизбежно заводит власть в политический тупик, ибо для перманентного устрашения подвластных требуется постоянное увеличение давления, иначе у подданных сложится мнение о ее недееспособности¹.

В работах либералов начала XX в. рассматривалась также проблема утраты властью общественной поддержки, т.е. делегитимации власти. По мнению ученых, одной из основных причин этого являлось противоречие между либеральными и демократическими ценностями, все шире утверждавшимися в массовом сознании, и стремлением властвующей элиты сохранить в неизменном виде политический режим. Другую причину делегитимации власти либералы видели в ее бюрократизации и коррумпированности. Чрезвычайно опасным для политического режима в целом они считали отсутствие в политичес-

кой системе артикуляции интересов различных социальных групп.

В целом, анализ представлений российских либералов начала XX в. о власти показывает, что они стремились к глубокому, многомерному научно-теоретическому осмыслению данного феномена. Либералами была предложена общесоциологическая трактовка власти как одного из важнейших типов социальных отношений. Наряду с этим власть рассматривалась и с позиций индивидуальной (Л.И. Петражицкий) и коллективной (Н.М. Коркунов) психологии.

Анализируя феномен власти, либералы обозначили ряд проблем, имеющих непреходящее политико-практическое значение, и, прежде всего, проблему соотношения власти и общества. Эффективность государственной власти они напрямую увязывали с обретением общественной поддержки, подчеркивая не только несостоятельность насильственных методов властвования в долгосрочной перспективе, но и их опасность как для правящей верхушки, так и для государственной стабильности в целом. Размышления либералов об источниках легитимации власти, а также о причинах обратного процесса имеют особую практическую значимость в условиях становления современной российской государственности. Опыт реформирования постсоветской России еще раз подтверждает справедливость утверждения либералов о необходимости учета силы традиции в ходе модернизации, о факторе доверия к общенациональному лидеру как важнейшем условии успешности реформ, а главное, о том, что кредит доверия общества может получить лишь власть, деятельность которой носит правовой характер и которая в качестве основополагающей цели подразумевает защиту общественного блага. Такое понимание цели и методов властвования легло в основу трактовки либералами государства, выступающего у них не столько как сила принуждения, сколько как аппарат управления, гармонизации социальных отношений, орудие общественного прогресса.

Таким образом, обращение к воззрениям российских либералов начала прошлого века по поводу концепции власти заставляет переосмыслить важнейшие общественно-политические проблемы, а также способствует поиску адекватного варианта их разрешения.

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. — М., 1911, т. 1, с. 225.